

Россия, Китай, Америка — карта будущей империи

Владимир Коток

Битва за энергию, которая может изменить мировой порядок

Есть геополитические конфликты, которые выглядят как борьба за территорию. Есть конфликты, которые выглядят как борьба за деньги. А есть такие, за которыми, возможно, скрывается борьба гораздо большего масштаба — за саму конструкцию будущего мира.

И если посмотреть на историю России последних трёх столетий именно под таким углом, возникает неожиданная картина. Пётр I открывает России окно в Европу. Через несколько поколений Россия сталкивается с революционным движением, выросшим из европейской интеллектуальной среды. Затем следуют мировые войны, столкновение России и Германии, крах империй, рождение СССР, Вторая мировая война и окончательное оформление англосаксонского мира как одного из главных центров мировой силы.

А сегодня перед человечеством вновь возникает потенциальная связка, которая ещё несколько десятилетий назад казалась невозможной.

Россия — энергия и продовольствие.

Китай — промышленность.

США — финансово-технологический и политический центр Западного полушария.

А между ними — огромная Евразия, Северный Ледовитый океан, Тихий океан и территория России, обладающая тем, чего не существует в достаточном количестве практически ни у одной другой страны мира: пространством, сырьём, водой, энергией и сельскохозяйственными землями.

Но есть ещё один фактор, о котором говорят значительно реже.

Охотское море.

Если рассматривать его не просто как акваторию, а как гигантский природный энергетический механизм, картина меняется радикально. Тогда Курильские острова оказываются не только предметом территориального спора. Они могут рассматриваться как элементы потенциальной энергетической инфраструктуры планетарного масштаба.

И тогда возникает главный вопрос:

не начинается ли сегодня борьба уже не за ресурсы XX века, а за архитектуру цивилизации XXI-XXIII веков?

Петровское «окно» и долгая траектория России

Меня давно удивляет одна историческая особенность России: именно Петербург стал одним из главных центров русской культурной трансформации. На мой взгляд, искать истоки этого

процесса следует ещё в эпохе Петра I.

Пётр резко развернул Россию в сторону Европы. Он внедрял европейские обычаи, менял одежду и внешний облик дворянства, создавал регулярную армию и флот по европейским образцам, отправлял молодых дворян учиться за границу и строил новую столицу как демонстративное «окно в Европу». Одновременно в высшем обществе распространялись европейские языки. Позднее французский фактически стал языком значительной части русской аристократии.

Сам по себе этот процесс не был ни однозначно положительным, ни однозначно отрицательным. Но он создал мощный интеллектуальный канал между Россией и Западной Европой. Через него в Россию проникали не только технологии, образование и культура, но и европейские политические идеи. Дальше эта интеллектуальная линия прошла через вольнодумство, декабризм, революционное движение и социалистическую мысль. В конечном счёте она привела и к Ленину.

Так постепенно возникла парадоксальная ситуация. Россия пыталась модернизироваться по европейским образцам — и одновременно получала из Европы идеи, которые ставили под сомнение саму существующую российскую систему.

Но здесь появляется ещё более интересный вопрос.

А что, если за политическими идеями стояла ещё и определённая экономическая география?

Серп и молот как символ несостоявшегося союза

Революционная эпоха обычно рассматривается прежде всего через призму идеологии. Марксизм. Пролетариат. Классовая борьба. Мировая революция. Но существует и другой способ посмотреть на ту же историю. Через экономическую географию.

Россия обладала огромными сельскохозяйственными ресурсами, сырьём и территорией. Германия обладала мощнейшей промышленной базой и развитой инженерной культурой. Вместе эти два пространства потенциально создавали исключительно мощную комбинацию.

Отсюда возникает и необычная интерпретация советской символики. Серп можно прочесть как символ аграрной России. Молот — как символ индустриальной Германии. Красная звезда — как символ революционной энергии и воинского начала; её связь с воинственным Марсом в такой трактовке становится дополнительной символической ассоциацией. Это не означает, что именно такой замысел был единственным или документально установленным смыслом советской символики. Но как геополитическая метафора эта конструкция исключительно интересна.

Аграрная Россия плюс индустриальная Германия.

Что могло бы произойти, если бы такой союз действительно сформировался? Ответ на этот вопрос неизбежно приводит нас к Первой мировой войне.

Первая мировая: был ли европейский союз, который не

дали создать?

Официальная история Первой мировой войны имеет множество причин: система союзов, национальные противоречия, милитаризация, борьба за влияние, кризисы на Балканах и непосредственный повод в виде убийства Франца Фердинанда. Но существует и более широкая геополитическая интерпретация.

Если бы Россия и Германия сумели избежать масштабного столкновения и постепенно сблизились экономически, в центре Европы и Евразии мог появиться гигантский континентальный блок. Россия дала бы ему продовольствие, сырьё и пространство. Германия — промышленность, технологии и инженерную мощь. Для морской торговой державы, привыкшей мыслить категориями контроля коммуникаций и баланса сил, подобная конструкция представляла бы серьёзный вызов.

Именно поэтому можно выдвинуть гипотезу:

не была ли англо-германская конкуренция частью более глубокой борьбы за то, кому принадлежит будущее Евразии?

Это именно гипотеза, а не установленный исторический факт. Но сама логика такого вопроса заслуживает внимания.

Первая мировая война уничтожила сразу несколько европейских империй. Россия потеряла монархию. Германия потерпела поражение и была экономически ослаблена. Европа оказалась разрушена. А возможность естественного экономического сближения России и Германии была отброшена на десятилетия. История словно разорвала потенциальную связку:

русская земля — немецкая промышленность.

Но сама идея никуда не исчезла. Она вернулась в другом виде.

Вторая мировая: вторая попытка соединить ресурсы и промышленность

Следующий этап этой истории оказался гораздо трагичнее. Германия стремилась восстановить статус великой индустриальной державы. Нацистский режим пошёл по пути территориальной экспансии, стремясь получить сырьё, продовольствие и пространство на востоке. В результате возникло столкновение Германии с Советским Союзом.

СССР обладал огромными ресурсами и территорией. Германия — мощной промышленностью и военной машиной. На этот раз соединение двух компонентов произошло не в форме экономического союза, а в форме чудовищной войны. Цена оказалась катастрофической. Миллионы погибших. Разрушенные города. Уничтоженная инфраструктура. Разорённая Европа. И в результате — новый мировой баланс.

США вышли из войны одним из главных центров мировой экономической и военной силы. Британская империя начала стремительно терять прежнее положение. СССР превратился в сверхдержаву. Европа оказалась разделена.

Таким образом, если смотреть на историю через призму геоэкономики, можно увидеть повторяющийся мотив:

Россия обладает ресурсной базой, европейская или азиатская индустрия обладает перерабатывающей мощностью, а внешние силы заинтересованы в том, чтобы контролировать или ограничивать возникающую связку.

И вот здесь начинается самое интересное. Потому что сегодня эта конструкция возвращается. Только Германия больше не является единственным кандидатом на роль промышленного центра. Теперь есть Китай.

Новый конгломерат: Россия — Китай — Америка

Сегодня может формироваться совершенно новая система. Её потенциальное ядро выглядит так:

Россия — энергия, сырьё, вода и продовольствие.

Китай — промышленность и производство.

США — крупнейший экономический и технологический центр Западного полушария.

И возникает принципиальный вопрос:

с кем Россия в конечном счёте образует наиболее глубокую экономическую связку — с Китаем или с США?

Россия обладает тем ресурсом, который невозможно создать простым переносом производства. Землёй. Причём не только землёй как территорией. Землёй, способной производить продовольствие.

Промышленное производство можно переносить. Заводы можно строить. Порты можно модернизировать. Железные дороги можно прокладывать. Энергетические системы можно расширять. Но сельскохозяйственную землю невозможно создать указом. Именно поэтому продовольственная составляющая потенциального союза приобретает стратегическое значение.

Индустрия может прийти туда, где есть энергия. А вот продовольствие требует территории. И здесь Россия получает совершенно особое положение.

Почему водород может стать нефтью будущего

Нефть и газ сделали XX век в значительной степени веком углеводородов. Но если смотреть на тысячелетнюю перспективу, углеводороды могут постепенно перестать быть главным энергетическим топливом. На их место потенциально способен прийти водород. Особенно если его производство будет связано с дешёвой электроэнергией.

В таком случае появляется принципиально новая энергетическая цепочка:

вода → электричество → водород → транспортировка → промышленность.

Для России это особенно интересно. Страна обладает огромными пространствами, гидроэнергетикой, атомной энергетикой, ресурсами и потенциальными возможностями развития новых энергетических систем. Возникают даже идеи транспортировки водорода на большие расстояния — в том числе по трубопроводам и морскими маршрутами.

Если такая инфраструктура когда-либо будет создана в полном масштабе, география мировой

энергетики изменится. Нефтяные магистрали XX века могут постепенно уступить место водородным энергетическим коридорам XXI века. И здесь возникает ещё одна неожиданная точка на карте.

Берингов пролив.

Берингов пролив: мост между двумя мирами

Сегодня Берингов пролив выглядит как край цивилизации. Но стратегически это одно из самых интересных мест планеты. Здесь Россия и Северная Америка находятся на относительно небольшом расстоянии друг от друга. Если в будущем появится масштабная энергетическая инфраструктура, которая сможет соединить российские ресурсы с североамериканской промышленностью, Берингов регион способен превратиться из географической периферии в стратегический коридор.

Именно поэтому разговоры о будущих энергетических маршрутах через этот регион заслуживают внимания. Однако здесь необходимо сделать принципиальное различие.

Технологическая возможность не означает существования готового проекта.

А потенциальный маршрут не означает, что он обязательно будет построен. Но сама возможность меняет геополитическую карту. Потому что энергия будущего будет определять не только экономику. Она будет определять союзников.

Охотское море: скрытый энергетический гигант

И здесь мы подходим к центральной идее этой статьи. Охотское море. Сегодня оно воспринимается прежде всего как важная акватория российского Дальнего Востока. Но существует совершенно другой взгляд.

В Пенжинской губе давно рассматривалась возможность строительства гигантской приливной электростанции. Высота приливов здесь исключительно велика. Потенциальная мощность различных вариантов проекта оценивается в десятки гигаватт. Такой объект способен стать основой производства огромных объёмов электроэнергии, а в перспективе — водорода. То есть перед нами уже не просто электростанция. Перед нами потенциальный энергетический завод планетарного масштаба.

Но Пенжинская ПЭС — только первый уровень идеи. Есть гораздо более масштабная гипотеза.

«Гравитационно-лунный насос»

Представим Охотское море как гигантскую природную чашу. С одной стороны — материковая часть России. С другой — Камчатка и Курильская гряда. А между островами Курил находятся проливы, через которые океанские приливные процессы сообщаются с внутренней акваторией.

Теперь представим, что когда-нибудь человечество получает технологическую возможность построить систему гигантских гидротехнических сооружений между отдельными островами. Тогда энергия приливов может быть превращена в управляемый энергетический поток. Это уже не Пенжинская электростанция. Это совершенно другой масштаб.

Не электростанция, а энергетическая система целого моря.

Именно поэтому я предлагаю условно называть такую концепцию **«гравитационно-лунным насосом»**. Название отражает физическую основу идеи: источником энергии выступает гравитационное взаимодействие Земли, Луны и океанической воды.

Разумеется, такая конструкция сегодня относится к области гипотезы. Её инженерная, экологическая, экономическая и международно-правовая реализуемость требует отдельного гигантского исследования. Но если подобная система когда-либо станет технически возможной, её значение будет трудно переоценить. Потому что речь пойдёт уже не о десятках гигаватт. Речь потенциально может идти об энергетическом объекте, который способен на многие порядки превзойти отдельную приливную электростанцию. И тогда значение Курильской гряды изменится.

Почему Курилы могут оказаться в центре большой энергетической игры

Курильские острова обычно рассматриваются через призму территории, истории и безопасности. Но в предложенной модели появляется четвёртое измерение.

Энергетическое.

Если когда-нибудь возникнет проект масштабного управления приливными потоками Охотского моря, отдельные острова могут стать элементами энергетической инфраструктуры. И тогда борьба за них перестанет быть только спором о прошлом. Она превратится в спор о будущем.

Именно здесь возникает один из самых тревожных сценариев статьи. Если Япония будет втянута в серьёзное противостояние с Россией и Китаем, вопрос Курильской гряды способен получить совершенно новое содержание. Японско-китайское историческое противостояние никуда не исчезло. Китайская историческая память о японской оккупации остаётся важнейшим фактором общественного восприятия. Япония, в свою очередь, является ключевым государством Тихоокеанского региона и союзником США. Поэтому любое серьёзное изменение баланса сил вокруг Курил автоматически становится проблемой не только России и Японии. Это уже проблема США, Китая и всей системы безопасности Тихого океана.

Но здесь следует сделать важную оговорку.

Сценарий большой войны на Дальнем Востоке не является неизбежным.

Это лишь одна из возможных ветвей развития событий. Однако именно экстремальные сценарии иногда позволяют увидеть, насколько высока стратегическая цена тех или иных территорий.

Кто станет промышленным центром новой Евразии?

Если предположить, что Россия становится энергетической и продовольственной базой крупного международного конгломерата, возникает следующий вопрос:

где будет находиться его промышленное ядро?

В США? Или в Китае?

США обладают колоссальной экономикой, технологиями, капиталом и развитой

инфраструктурой. Китай обладает гигантской промышленной базой, производственными цепочками и масштабом инфраструктурного строительства. В рамках предлагаемой модели Китай выглядит естественным кандидатом на роль индустриального центра Евразии.

Но это не означает автоматического формирования союза Россия-Китай. Напротив. Чем ценнее российские ресурсы, тем сильнее становится конкуренция за доступ к ним. И тогда США и Китай оказываются перед одной и той же проблемой:

как получить долгосрочный доступ к российской энергии и продовольствию, не позволив конкуренту получить преимущество?

Это уже не обязательно военная борьба. Она может проходить через инвестиции. Через технологии. Через инфраструктуру. Через торговые соглашения. Через транспортные коридоры. Через финансовые системы. И, конечно, через дипломатические союзы.

Возвращается старая британская логика?

Здесь возникает ещё одна историческая параллель. На протяжении нескольких столетий Британия строила свою внешнюю политику вокруг баланса сил. Логика была проста:

не позволить одному континентальному центру получить подавляющее превосходство.

В классической геополитике такая политика часто описывается формулой «баланс сил». В отношении России и Германии эта логика особенно заметна в интерпретациях европейской истории начала XX века. Сильная Россия. Сильная Германия. Их возможное экономическое сближение. Для морской державы подобная комбинация могла восприниматься как потенциальная угроза собственному положению.

Но сегодня вместо Германии возникает Китай. И вместо железных дорог и угля на первый план выходят: водород, электроэнергия, порты, Арктика, Северный морской путь, Дальний Восток, Курильская гряда, Охотское море. Меняется технология. Меняется география. Но принцип потенциально остаётся тем же:

не дать одному евразийскому конгломерату соединить ресурсы, промышленность и транспортные коридоры в самостоятельную систему.

Британия, Япония и тихоокеанский рычаг

В предлагаемой геополитической модели Япония приобретает особое значение. Она находится рядом с Россией. Она связана союзническими отношениями с США. Она исторически конфликтовала с Китаем. И одновременно она заинтересована в собственных энергетических и торговых маршрутах.

Поэтому Япония может оказаться не самостоятельным центром новой системы, а важнейшим рычагом воздействия на неё. Если отношения России и Китая будут быстро укрепляться, значение японского направления возрастёт. Если начнётся серьёзное соперничество США и Китая, значение Японии возрастёт ещё сильнее. А если одновременно возникнет энергетический проект вокруг Охотского моря, значение Курильской гряды станет принципиально новым. И тогда то, что сегодня кажется региональной проблемой, может оказаться элементом глобальной системы.

Нефть — прошлое? Водород — будущее?

Есть ещё один слой этой картины. Если человечество действительно вступает в эпоху долгосрочного энергетического перехода, нефть может постепенно менять своё значение. Вместо того чтобы сжигать углеводороды, человечество может всё активнее использовать их как химическое сырьё. Нефть и газ могут становиться материалом для производства химической продукции, полимеров и других веществ. А основную энергетическую нагрузку потенциально будут брать на себя электричество, атомная энергетика, возобновляемые источники и водород.

Но здесь возникает ещё более дальняя перспектива. Если когда-нибудь будут созданы технологии получения полноценного пищевого сырья из углеводородов, человечество сможет существенно снизить зависимость от сельскохозяйственных площадей. Это уже не технология ближайших десятилетий. Скорее — горизонт следующих столетий или даже тысячелетий. Но именно такие технологии способны радикально изменить саму роль территории.

И тогда Россия получает ещё одно стратегическое преимущество. Не только земля. Не только энергия. Но и огромная территория, способная служить пространством для цивилизации, природы и будущих энергетических систем.

Главный вопрос: кто будет контролировать энергию будущего?

Теперь можно соединить все элементы. Россия. Китай. США. Япония. Великобритания. Курилы. Берингов пролив. Арктика. Охотское море. Водород. Продовольствие. Промышленность. ООН.

На первый взгляд это совершенно разные темы. Но если посмотреть на них как на части одной модели, возникает единая конструкция. Россия потенциально обладает ресурсной базой. Китай — промышленным потенциалом. США — огромными финансовыми, технологическими и военными возможностями. Япония — стратегическим положением в Тихом океане. Великобритания — глобальной дипломатической и финансовой сетью. А ООН — единственной универсальной площадкой, которая теоретически способна обеспечить международное управление ресурсами, имеющими планетарное значение.

И здесь появляется принципиальный вопрос:

может ли объект такого масштаба принадлежать только одной державе?

Если речь действительно когда-нибудь пойдёт о гигантской энергетической системе Охотского моря, ответ на этот вопрос будет иметь значение для всего человечества.

Почему в этой картине необходима ООН

Именно здесь идея статьи выходит за пределы обычной геополитики. Если человечество когда-нибудь создаст инфраструктуру, способную влиять на энергетический баланс целого региона или даже значительной части планеты, её управление не может оставаться исключительно вопросом двусторонних отношений. Потребуется международный механизм. И наиболее естественной площадкой для этого выглядит ООН.

Это не означает передачи суверенитета над российской территорией международной

организации. Речь идёт о другом:

международных правилах эксплуатации объектов планетарного значения.

Сама необходимость реформирования ООН сегодня обсуждается на международном уровне. В 2025–2026 годах Генеральный секретарь ООН неоднократно говорил о необходимости адаптации глобального управления к изменившемуся миру, а реформа Совета Безопасности остаётся предметом межправительственных переговоров. Россия также публично выступает за усиление роли многосторонних механизмов и реформирование глобальной системы управления. Эти позиции отражены, в частности, в выступлениях российских представителей в ООН.

Таким образом, сама идея усиления роли международных институтов не является фантастикой. Фантастическим — пока — является масштаб объекта, для управления которым такая система могла бы понадобиться.

Американский фактор

Совершенно иной вопрос — отношение США к системе многостороннего управления. Вашингтон неоднократно пересматривал участие в отдельных структурах системы ООН и международных организациях. В 2025 году США вновь объявляли о выходе из ВОЗ и Совета ООН по правам человека, а также о пересмотре участия в ЮНЕСКО; эти решения были отражены и в документах системы ООН. США также располагают огромными возможностями влияния через финансы, альянсы, технологии и международные институты.

Поэтому возникает принципиальная развилка. Если Вашингтон рассматривает многополярный мир как систему, в которой необходимо сохранить собственное исключительное влияние, столкновение интересов с другими центрами силы неизбежно. Если же США готовы принять более распределённую систему, конкуренция может постепенно перемещаться из военно-политической сферы в экономическую.

И это принципиальная разница. Потому что между двумя вариантами лежит пропасть. В первом случае мир получает новую гонку блоков. Во втором — сложную, конфликтную, но потенциально управляемую конкуренцию.

Жёсткий сценарий: если система пойдёт по пути эскалации

Теперь представим самый опасный вариант. США и Великобритания усиливают военно-политическое сотрудничество. Япония получает дополнительную военную поддержку. Китай воспринимает усиление японского военного потенциала как прямую угрозу. КНДР отвечает на происходящее собственным наращиванием военной активности. Любой локальный кризис может перерасти в цепочку взаимных ударов.

Дальний Восток превращается в один из наиболее опасных регионов планеты. Россия вынуждена укреплять дальневосточные рубежи. Арктика превращается в ещё одну зону противостояния. Северный Тихий океан становится пространством постоянного военного давления. А вопросы энергетики и транспорта оказываются встроены в систему безопасности. В самом крайнем случае конфликт может выйти на ядерный уровень.

Но здесь важно не перепутать сценарий с прогнозом. Для его реализации необходимо

совпадение огромного количества решений, ошибок и обстоятельств. Ядерные державы понимают цену полномасштабной войны. Поэтому такой сценарий нельзя считать неизбежным. Но его существование необходимо учитывать именно потому, что цена ошибки слишком высока.

Компромиссный сценарий: конкуренция вместо войны

Существует и совершенно другая возможность. США сохраняют ведущую роль в Западном полушарии. Китай получает возможность развивать собственную промышленную систему. Россия сохраняет контроль над своими ресурсами и становится одним из главных поставщиков энергии и продовольствия. При этом ни Вашингтон, ни Пекин не получают исключительного права контролировать российскую ресурсную базу.

Возникает своеобразный *modus vivendi*. Не дружба. Не союз. Не единая империя. А система взаимного ограничения. США и Китай продолжают конкурировать. Россия торгует с обоими. Европа получает доступ к новым энергетическим и транспортным системам. А проекты планетарного масштаба регулируются международными правилами.

Это уже совершенно другая архитектура. Она сложнее. Она требует постоянных переговоров. Она не устраняет противоречия. Но именно такая система способна снизить вероятность того, что конкуренция превратится в войну.

Кто на самом деле выиграет от энергии Охотского моря?

И вот здесь возникает, пожалуй, самый неожиданный вывод. Если когда-нибудь будет создана гигантская приливная энергетическая система Охотского моря, её значение окажется настолько велико, что вопрос «кому она принадлежит?» станет вторичным. Гораздо важнее будет вопрос:

кто устанавливает правила её использования?

Россия? Китай? США? Международный консорциум? ООН?

Именно здесь обычная геополитика превращается в проблему цивилизационного управления. Потому что человечество уже сталкивалось с подобной задачей в других областях. Океан принадлежит всем и одновременно находится под юрисдикцией государств. Космос не должен становиться собственностью одной державы. Ядерная энергетика требует международных механизмов контроля. А будущие энергетические системы планетарного масштаба потребуют ещё более сложных правил.

Следовательно, возможно, именно здесь скрывается настоящее значение будущего многополярного мира. Не в том, какая страна станет «главной». А в том, сможет ли человечество научиться управлять ресурсами, которые слишком велики для одной страны.

Главная историческая параллель

Если отбросить детали, история последних трёх столетий выглядит как повторяющаяся последовательность. Россия обладает огромным пространством и ресурсами. Рядом возникает промышленный центр. Между ними появляется потенциальная экономическая связка. Другие центры силы начинают воспринимать её как угрозу собственному положению. Возникает конкуренция. Конкуренция превращается в политическое противостояние. Иногда — в войну.

И после разрушения старой конструкции возникает новая.

Так было с Россией и европейскими державами. Так было с Россией и Германией. Так происходило в эпоху противостояния СССР и Запада. И сегодня похожая проблема возникает уже в отношениях России, Китая и США.

Но есть одно фундаментальное отличие.

Теперь речь идёт не только о нефти.

Речь идёт о водороде. Не только о трубопроводах. О новых энергетических коридорах. Не только о территориях. О контроле над энергетическими системами. Не только о Курилах. О потенциальной инфраструктуре целого моря. Не только о национальных интересах. О способности управлять ресурсами планетарного масштаба.

Карта будущего уже просматривается

Если собрать всё вместе, получается карта, которой пока не существует на политических атласах. Но отдельные её элементы уже существуют. На севере — Арктика. На востоке — Берингов пролив. На юго-востоке — Курильская гряда. В центре — Охотское море. За ним — Россия. Ещё дальше — Китай. Через Тихий океан — США. На перекрёстке — Япония. А над всей конструкцией — вопрос о будущем международного порядка.

И тогда первоначальный вопрос приобретает совершенно иной смысл.

Не: **«Кто получит Курилы?»**

А: **«Как будет устроена энергетическая цивилизация Тихого океана?»**

Не: **«Кто победит — США или Китай?»**

А: **«Сумеют ли они конкурировать, не разрушив систему, от которой будут зависеть оба?»**

Не: **«Кому принадлежит Россия?»**

А: **«Сможет ли Россия сохранить суверенный контроль над своими ресурсами и одновременно стать частью мировой системы, не превращаясь в придаток какого-либо центра силы?»**

Главная развилка XXI века

Возможно, мы ошибаемся, когда пытаемся представить XXI век продолжением XX. XX век был веком нефти. Веком атомного оружия. Веком массового производства. Веком идеологических блоков. XXI век постепенно становится другим. Это век распределённой энергетики. Водорода. Искусственного интеллекта. Арктических маршрутов. Новых транспортных коридоров. Возвращения геоэкономики. И борьбы не только за территории, но и за инфраструктуру.

Поэтому будущее мирового порядка может определяться не столько тем, кто захватит очередную столицу, сколько тем, кто построит следующие энергетические и транспортные системы. И здесь Россия действительно обладает уникальным набором исходных условий. Огромная территория. Сельскохозяйственные земли. Минеральные ресурсы. Вода. Атомная энергетика. Выходы к трём океаническим направлениям. Арктика. Дальний Восток. И потенциально колоссальная приливная энергетика.

Но наличие ресурсов само по себе ничего не гарантирует. Ресурс становится геополитическим преимуществом только тогда, когда существует технология его использования и инфраструктура его доставки. Именно поэтому борьба будущего будет идти не столько за месторождения. Она будет идти за **системы**.

Самый важный вопрос — не кто победит

В традиционной геополитике всегда ищут победителя. Кто победит — США или Китай? Россия выберет Китай или США? Кто получит Курилы? Кто станет мировым лидером? Но для XXI века такой вопрос может оказаться слишком примитивным.

Потому что если одна держава получит полный контроль над энергетической системой планетарного масштаба, это неизбежно создаст новую систему зависимости. И тогда победа одного может оказаться проблемой для всех остальных. Поэтому более важный вопрос звучит иначе:

сумеет ли человечество создать правила, при которых гигантские ресурсы будут работать на развитие цивилизации, а не превращаться в оружие политического давления?

Если ответ отрицательный, история снова пойдёт по знакомому пути. Ресурс. Конкуренция. Блоки. Гонка вооружений. Конфликт. Разрушение. Новый передел. Если ответ положительный, возникает совершенно другой вариант будущего. Конкуренция остаётся. Но становится управляемой.

И всё-таки: кого выберет Россия?

В конечном счёте Россия окажется перед исторической дилеммой. Не обязательно буквально выбирать между двумя странами. Выбор будет гораздо глубже.

Быть ресурсной базой чужого проекта — или самостоятельным центром собственной системы.

Сотрудничать с Китаем — не обязательно означает раствориться в китайской экономике. Сотрудничать с США — не обязательно означает принять американскую модель. Можно торговать со всеми. Можно конкурировать со всеми. Можно создавать собственные технологии. Можно строить собственную инфраструктуру. Можно использовать собственное географическое положение как инструмент развития, а не как повод для постоянной конфронтации.

Именно здесь суверенитет приобретает практический смысл. Не просто способность сказать «нет». А способность иметь достаточно собственного экономического, технологического и энергетического потенциала, чтобы самостоятельно выбирать, с кем сотрудничать.

Последняя тайна Охотского моря

Возможно, идея гигантского «гравитационно-лунного насоса» никогда не будет реализована. Возможно, инженерные ограничения окажутся непреодолимыми. Возможно, экологические последствия сделают такой проект неприемлемым. Возможно, человечество найдёт совершенно другие источники энергии. Но даже если всё это произойдёт, сама постановка вопроса остаётся важной. Потому что она заставляет взглянуть на карту мира иначе.

Мы привыкли видеть в России огромную страну. Но можно увидеть в ней ещё и гигантский энергетический и продовольственный континент. Мы привыкли видеть Курильские острова как территорию спора. Но можно увидеть в них часть будущей энергетической географии. Мы привыкли видеть Охотское море как окраинную акваторию. Но можно попытаться рассмотреть его как потенциальную природную энергетическую машину. Мы привыкли видеть Китай как промышленную державу. Но можно увидеть в нём возможное индустриальное ядро огромной евразийской системы. Мы привыкли видеть США как мировую сверхдержаву. Но можно увидеть в них потенциального конкурента, которому придётся адаптироваться к миру, где уже не существует единственного центра силы. И, наконец, мы привыкли считать геополитику борьбой государств. Но, возможно, геополитика будущего станет борьбой **цивилизационных систем**.

Мир стоит перед новой развилкой

Сегодня ещё невозможно сказать, какая именно конструкция возникнет. Может победить конфронтация. Может победить конкуренция. Может возникнуть система нескольких крупных центров. Может сформироваться сложная сеть взаимозависимых экономик. Может оказаться, что часть нынешних энергетических проектов так и останется на бумаге.

Но одна тенденция представляется очевидной уже сегодня:

ресурсы России, промышленный потенциал Азии, технологии Америки и транспортные возможности Арктики всё сильнее оказываются элементами одной глобальной системы.

И чем больше становится взаимозависимость, тем опаснее попытка решить всё исключительно силой. Именно поэтому вопрос будущего заключается не только в том, кто сильнее. Он заключается в том, **кто первым поймёт, что следующий мировой порядок невозможно построить исключительно для себя.**

Вместо эпилога: битва за будущее начинается с карты

Три столетия назад Пётр I изменил направление российской истории, открыв страну Европе. Сто лет назад мировая война разрушила возможность одного из потенциальных евразийских союзов. В XX веке человечество дважды прошло через мировые войны и пришло к созданию ООН именно потому, что оказалось перед угрозой собственного уничтожения.

Сегодня карта снова меняется. Но теперь на ней появляются новые координаты. Водород. Арктика. Берингов пролив. Китайская промышленность. Американские технологии. Российское пространство. Курильские острова. Охотское море. Приливная энергия. И организация, которая после Второй мировой войны была создана как попытка не допустить повторения мировой катастрофы.

Возможно, всё это пока лишь отдельные точки. Возможно, между ними нет никакой единой линии. Но если такая линия действительно существует, то перед нами уже не обычная борьба за территории. Перед нами борьба за **энергетическую архитектуру будущей цивилизации.**

И тогда главный вопрос XXI века будет звучать не так:

«Кто станет новой мировой империей?»

А гораздо сложнее:

«Сумеет ли человечество построить мир, в котором энергия, территория и технологии перестанут быть поводом для очередной мировой войны — и станут фундаментом для совместного развития?»

Ответ на этот вопрос пока не дан. Но карта будущего уже начинает проявляться. И, возможно, одна из самых важных её точек находится там, где мы меньше всего привыкли её искать.

На берегах Охотского моря.

Ещё по теме тихоокеанской стратегии России:

[Тихоокеанский флот взял под прицел будущее](#)

[Быстрая победа в СВО: кто на самом деле держит паузу?](#)

[Россия. Что дальше?](#)